

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОДИН И БЕЗ ПРИКРЫТИЯ

ГЛАВА 1	
Взрыв	5
ГЛАВА 2	
Опасные находки	33
ГЛАВА 3	
Обреченный брюнет	62
ГЛАВА 4	
Кому нужен Макс Карданов?	81
ГЛАВА 5	
Способность убивать	128

ЧАСТЬ ВТОРАЯ В ШТАТЕ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ

ГЛАВА 1	
Задание «слепому» агенту	165
ГЛАВА 2	
Родителей не забудешь	200
ГЛАВА 3	
Возвращение «слепого» агента	237
ГЛАВА 4	
Личный следователь Президента	263
ГЛАВА 5	
Операция «Доверие»	283

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
НЕЛЕГАЛЬНАЯ КОМАНДИРОВКА

ГЛАВА 1	
Деликатная миссия	333
ГЛАВА 2	
Погоня за бриллиантами	361
ГЛАВА 3	
Мотоциклисты в Ницце	406

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ВСЕМ ПО ЗАСЛУГАМ

ГЛАВА 1	
Крупные заказы	433
ГЛАВА 2	
Конец чистодела	445
ГЛАВА 3	
Попытка к бегству	458
ЭПИЛОГ	
Пять лет спустя	474

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОДИН И БЕЗ ПРИКРЫТИЯ

Глава 1

Взрыв

Москва давно переплюнула и Ростов-папу, и Одессу-маму. Провинциальные родители криминала могли похвастать только Беней Криком с его подержанным «вессоном» и претензиями на уголовное джентльменство да бандой Фантомасов с кустарными автоматами и теми же претензиями. Смех один, да и только.

Москва — настоящий город гангстеров. Здесь крутятся огромные деньги, здесь в одночасье сколачиваются фантастические капиталы, здесь бандиты договариваются с политиками, а политики заключают сделки с бандитами, здесь особенно наглядно стирается граница между криминалом и властью, здесь самые дорогие рестораны и проститутки... Каменные джунгли. Клоака. Зона повышенного риска.

Уже лет десять кипит здесь мутное нехорошее варево, то и дело всплывают из потаенных глубин на поверхность изуродованные трупы, смертельными пузырьками прорываются автоматные очереди, лопаются огненные пузыри тротила, и разлетается в стороны разваренная человеческая лапша.

Кажется, что все привыкли к стрельбе и взрывам, но на самом деле это не так. Привыкли к сообщениям: там-то взорвался автомобиль, столько-то человек погибли... Но когда в родном твоём дворе вдруг раздаётся грохот фу-

гаса, и взрывная волна вгоняет в кухню осколки окна, и битое стекло оказывается в кофе и яичнице — какое тут может быть привыкание?

Утром четырнадцатого февраля прогремело на Ломоносовском проспекте, неподалеку от метро «Университет». Еще не успели осыпаться лопнувшие стекла в магазине «Океан» и близлежащих многоэтажках, а вокруг огромной черной кляксы с дымящимся посередине скелетом микроавтобуса уже толпились любопытные. Испуганно пиликали сигнализации потревоженных взрывной волной автомашин, стелился по земле ядовитый серо-черный дым.

А в толпе работали локти, вытягивались испуганные лица, шаркали ботинки, вполголоса шел обмен малосодержательной информацией:

— Во блин! Нет, ты видел? А если б мы мимо шли?!

— А я, значит, сына проводил в школу, иду обратно, и тут по ушам — «ба-бах!» Смотрю: автобус — в куски, дым, огонь...

— Петюнчик, в натуре, это тот волчара сделал! Я ему культурно: что случилось? А он — в морду! И когти рвать!..

— И я то ж! За что, брат? А он: тебе какая-то труба, брат! И тоже с правой...

Но никто не торопился подойти поближе к месту происшествия, переступить невидимую черту. Там ведь не коммунистический митинг и не парад активисток движения «Чем в мехах, так лучше голой». Там опасность. Угроза. И ужас несмягченной объективами смерти.

Растаявший снег, смятый, искореженный металл, крошево стекла, едкий запах взрывчатки... А главное — бесформенные обугленные куски человеческой плоти в тлеющих лоскутах измазанной кровью одежды — посмотришь, сердце проваливается в желудок, а содержимое желудка, наоборот — рвется наружу.

Черный мусор кругом, островки огня, обрывки, осколки, обломки — или поди угадай, что там такое.

— Мама родная,— побледнев, выдохнула женщина с хозяйственной сумкой,— так это же чья-то рука...

— А ты чего думала? — сплюнул зажимающий ворот пальто нетрезвый мужик в застарелой щетине, но со свежеподбитым глазом.— Видала, как рвануло! Всех в крошево...

— Гля, Петюнчик, чего на пальце... Рыжье? Как бы по-добраться...— прошептал его товарищ, с трудом шевеля разбитыми губами.— Да нет, сейчас не выйдет... Жалко...

Через полчаса примчались четыре кареты «скорой» и два «жигуля» с Петровки. Чуть позже с рычанием подкатил грузовик внутренних войск, горохом сыпанули из затянутого брезентом кузова краснопогонные солдаты с напряженными лицами и автоматами наперевес. Место происшествия оцепили, толпу оттерли подальше. Мрачно осмотревшись, врачи струдились над единственным целым телом.

Почти сразу послышались возгласы: «Есть пульс! Камфару и кислород — быстро!» А через несколько минут пострадавшего погрузили в реанимационную машину, и та под вой сирен рванула на красный свет.

Приехали пожарные в гремящих на морозе спецкомбинезонах, вышли, потоптались хмуро — все, что могло сгореть, сгорело давно, чего летели, спрашивается?

Одна за другой тормозили борзые «Волги», «Форды» и «Мерседесы» с мигалками или в спецкраске — городское, милицейское и прокурорское начальство. Мигом возник микроавтобус с телевизионщиками. Задымили сигареты, загорелись глазки телекамер, засуетились ушлые стервятники-операторы. Клевец, «важняк» с Петровки — здоровенный широколицый мужик в надвинутой на глаза кожаной кепке, вынул руки из карманов драпового пальто и, выставив перед толпой растопыренные ладони, в десятый раз повторял:

— Ну не топчитесь почем зря, ну кому говорю?.. За линию, едрить вашу!!

Последними подкатили неброские машины ФСБ — генерал-лейтенант Ершинский и следственная бригада во главе с майором Фокиным. Выйдя из машины, генерал поправил дубленку, хищно оскалится на черное пятно («Хорошо хоть, что не на Красной площади»), обернулся к Фокину, вполголоса приказал:

— Посмотри по-умному. Может, нам и соваться нечего... Если чистая уголовщина, пусть прокуратура забирает,— потом надел маску своего парня и направился к начальственной тусовке.

Фокин был на голову выше своего шефа, огромный, не улыбкающий, косолапый, как медведь из Завидовского заповедника. Он распечатал новую пачку «Бонда», вытянул сигарету, по привычке прикусил зубами фильтр.

Холодные серые глаза неспешно фиксировали картину разрушения, выхватывая значимые детали: сорванная крыша микроавтобуса, развернутые «розочкой» борта — взрыв ненаправленный, очень мощный — с полпуда динамита или аммонала, если тротила, то немногим меньше, да и пластида килограмма два... Зачем столько? Вон за двести метров форточки в доме повывлетали... Для микроавтобуса за глаза одной двухсотграммовой толовой шашки хватит... На почерк обычных бандитов не похоже!

Прикурив, Фокин струйкой выпустил синеватый дым. Сейчас от него, начальника отдела по расследованию особо тяжких преступлений, зависело — влазить в это дело или нет. Отвечать за ошибочное или даже просто недальновидное решение предстояло тоже ему. За спиной напряженно ждали команды семеро неуловимо похожих друг на друга людей в неброских, будто подобранных по единой моде пальто. У некоторых в руках были папки для документов, у нескольких — чемоданчики, двое держали руки в карманах.

— Сверкунов,— не поворачиваясь, окликнул Фокин. В поле зрения мгновенно возник молодой человек с острым лицом ищейки.

— Раздвинь-ка цепь еще на три метра.

— Есть.

Сверкунов исчез.

— Сомов и Дьячко, наберите свидетелей. Адреса, телефоны, все, что можно. Муровцев поспрашивайте, они тут уже давно. Гарянин... Пройдись по толпе, послушай, что говорят интересного. Ярков, пробы воздуха, экспресс-анализ на тип ВВ¹.

Следователи, опера и взрывотехник отправились выполнять распоряжения, криминалист и судмедэксперт продолжали переминаться с ноги на ногу, дожидаясь своей очереди.

Когда Сверкунов вернулся, Фокин дружески хлопнул его по плечу — он умел работать с людьми.

— Бери Сименкина и Пасько и начинайте осмотр. Снимки, вещдоки — все как обычно.

— Так бригада прокуратуры работает. Вон уже обломки пронумеровали, — неохотно отозвался тот. — Чего дурную работу делать?

— Нам их нумерация не помешает. Отчитываться-то они за себя будут, а мы — за себя. Пока неизвестно, кто дело возьмет...

— Чего там неизвестно, — махнул рукой Сверкунов. — Бандюки других бандюков взорвали. Это наше дело, что ли?

— Ты больно умный стал, все наперед знаешь! — резко бросил майор. — Понял, что я сказал? Выполняй!

Ставить людей на место он тоже умел.

— Есть, — буркнул Сверкунов и принялся за дело. Фокин докурил сигарету, аккуратно спрятал окурочек в пачку, чтобы не следить на месте происшествия. Короткая куртка на рыбьем меху не спасала от холодного ветра. Он поднял воротник. Рядом появился Клевещ, широкое лицо раскраснелось, только белыми пятнышками выделялись оспины на щеках, полы пальто испачканы в саже.

¹ ВВ — взрывчатое вещество (*проф. сленг*).

— Какая-то разборка была,— сообщил он. По комплекции муровец почти не уступал фээсбэшнику, может, на пару сантиметров пониже. И вообще они чем-то походили друг на друга — может, уверенными манерами, может, одинаковым прищуром глаз и привычкой испытующе рассматривать окружающий мир.

— Кого-то тащили, в «Волгу» запихивали. Потом все в «микрашку» залезли, и рвануло. А «Волга» уехала. Будете брать дело?

Фокин пожал плечами, провожая взглядом взрывотехника. Тот закачал в пробирки несколько порций дыма и гари и направился к синему «рафику» — передвижной лаборатории следственного управления.

— Вряд ли. Сейчас посмотрим — есть ли для нас интерес...

Клевец с шумом втянул воздух приплюснутым треугольным носом. Комитетчикам проще. У них слаженная бригада, техника. Захотят — возьмут дело, захотят — уедут и все свои материалы заберут. А понадобится им — останутся вроде в стороне, да будут чужими руками жар разгребать: дергать за невидимые ниточки и управлять прокурорскими следаками да милицейскими операми.

— Хорошо тебе. Тогда хоть закурить дай.

Фокин протянул пачку, она почти утонула в его огромной лапе.

— Кого взорвали, знаешь? — буднично поинтересовался он.

Клевец усмехнулся.

— Думаешь, я ясновидящий? Как только узнаю, тебе первому скажу.

Муровец вновь погрузился в толпу. Почти сразу к Фокину подошел Ярков.

— Странное дело,— взрывотехник был явно обескуражен.— Спектр не идентифицируется. Ни с одной контрольной хроматограммой пробы не совпадают! А у нас

сто двадцать восемь образцов — все взрывчатки Европы и наиболее распространенные в мире!

В крепкой голове Фокина шелкнуло пусковое реле. Неизвестная взрывчатка — безусловный повод для того, чтобы принять расследование к своему производству!

— Ищите корпус и механизм, — приказал он. — И передайте всем, чтобы работали в полную силу, — это наше дело!

От неторопливости майора не осталось и следа. Теперь главное — остатки взрывного устройства. Это визитная карточка преступников. И, вопреки мнению дилетантов, оно никогда не испаряется бесследно и не разлетается на молекулы. Его нужно обнаружить, тогда полдела сделано.

Оглядевшись, он быстро направился к мусорным бакам. Между контейнерами среди банановой и апельсиновой кожуры валялась старая перчатка. Он подошел ближе. Нет, не перчатка. Обгоревшая кисть правой руки. На почерневшем среднем пальце блестел массивный перстень.

— Вот суки, — пробормотал майор. — Сверкунов! Поставь-ка сюда цифирку. И дай коробочку для вещдоков.

Чтобы снять перстень, пришлось приложить усилие.

— Записывай: перстень из желтого металла с печаткой прямоугольной формы и узорчатым рисунком...

Фокин засунул находку в пластиковую коробочку и сунул ее в карман. У него имелся большой опыт расследования взрывов и авиационных катастроф, часто у трупов бывали вывернуты карманы, а однажды в оцепленной зоне Внуковского аэропорта, прямо у горящих обломков «ТУ-134», золотые часы с оторванной руки исчезли буквально у него на глазах... Мародеры небрежливы...

Хорошо, что он тоже небрежлив! Майор нагнулся, вытер пальцы о жесткий снег, понюхал... Сойдет!

Он обошел исковерканное тело. Даже не тело, а так — кочерыжка без рук-ног, пирог вместо лица. Судмедэкс-

перт муровской бригады диктует что-то ихнему же следователю. Милицейский лейтенант вертит в руках закопченный пистолет и красное удостоверение. На снегу — нарисованная тушью табличка: «№ 1». Фокин шел дальше. Номер второй, третий. Четвертый.

Пятый труп лежал ближе всех к развороченному микроавтобусу, и обгорел он сильнее. Рядом валялся еще один пистолет. В обугленном остове возились Ярков, Сименкин и сержант-сапер из внутренних войск. Фээсбэшники переделались в черные рабочие комбинезоны и имели пристойный вид, а солдатик перепачкал жирной копотью бушлат, брюки, шапку, лицо и теперь напоминал пугало. Все трое копались в хаосе искореженного металла, разорванных сидений и чего-то еще — бесформенного и страшного. Едко воняло гарью, дымом и обугленным мясом. Фокин не отличался впечатлительностью, но сейчас порадовался, что уже отлазил свое по подобным местам и может давать указания, держась на дистанции.

— Ярков! — окликнул он. — Как прошла директриса взрыва?

Взрывотехник поднял голову. Лицо у него тоже было в черных пятнах и потеках — словно в камуфляжной раскраске разведчика.

— Вправо вверх. — Он показал направление рукой в перчатке.

Воображаемая линия уперлась в фасад дома, между выбитыми окнами на третьем этаже. Стена там была ободрана. Подойдя ближе, майор обнаружил на земле смятую дверь «микрашки». Это явно ее след отпечатался на фасаде. Немного правее — и влетела бы в квартиру...

Рядом с дверью валялись трубка от сиденья, фрагмент крыши, неопределенной формы железяка, какие-то тряпки, кусок резиновой дубинки... Это все не то... И это не то... Ага, вот...

Майор наклонился, поднял изогнутую металлическую пластину с неровными рваными краями. С одной

стороны — липкая копоть, с другой — ядовито-синие разводы окалины, линия излома серебристого цвета. Очень легкая... Похоже, именно это он и искал. Фокин подозвал Сименкина.

— Обозначь место, поставь номер и попробуй определить, что за металл. Потом покажешь нашим — пусть собирают все похожие фрагменты...

За спиной вежливо прокашлялись — вернулся с новостями Горянин.

— Была еще одна машина, товарищ майор. Черная «Волга». Уехала сразу после взрыва.

— Номер?

— Никто толком не разглядел.— Горянин покрутил кучерявой головой. Он ходил без шапки даже в лютый мороз.— Из «Волги» человек вышел: лет тридцать, сто восемьдесят, брюнет, на щеке свежая ссадина. Пошел вон туда.— Оперативник показал рукой в сторону длинного ряда коммерческих ларьков.— По дороге двум алкашам в рожи заехал. Их нашли, Сомов в автобусе допрашивает...

— Все? — Фокин в очередной раз достал пачку «Бонда».

— Да. Только вас генерал вызывает.

Ершинский ждал у своей машины. Лицо его было озабоченным.

— Приехали из «Консорциума».— Генерал тяжело привалился к капоту.— Говорят, это их «микрашка». И эти люди,— он показал на пронумерованные трупы,— их сотрудники. Ты ведь Куракина допрашивать хотел?

Серые глаза майора смотрели равнодушно.

— Да, товарищ генерал. Можно, я закурю?

Ершинский кивнул.

— Теперь не допросишь. Он где-то здесь. И Бачурин с ним. Ну и сошки поменьше...

Фокин промолчал. В стороне от общего скопления машин он увидел два высоких пижонистых «Рэйнджерера». Начальство «Консорциума» питало слабость к

комфортабельным внедорожникам. Стекло в передней машине было опущено, над ним, склонившись, стоял человек в длиннополом кожаном пальто — разговаривал с кем-то внутри.

Спички не зажигались. Выражение озабоченности на лице Ершинского сменилось недоумением.

— А с чего это ты на «бычки» перешел?

Фокин вынул изо рта окурков, удивленно осмотрел и сунул обратно в пачку.

— Устал. Голова кругом идет.

— Как думаешь, это связано с твоим делом? — спросил генерал.

Фокин пожал плечами.

— Ну, ты темнила известный! — то ли одобрительно, то ли осуждающе сказал Ершинский. — Потереби своего информатора. Хоть ты маскируешься, но я не мальчик — у тебя есть в «Консорциуме» свой человек! Сто процентов есть! Хотя и не очень высокого уровня... Так вот дерни его и расспроси! В три часа я докладываю Председателю, и мне нужно ориентироваться по версиям: связывать твоё расследование с этим взрывом или нет... Сделаешь?

— Постараюсь. Только...

— Что «только»? — насторожился генерал.

Фокин зацепил наконец целую сигарету.

— Мой человек скорей всего тоже здесь. Среди трупов.

— Вот так?

— Да. Но я все равно постараюсь.

Ершинский кивнул, сел в машину и уехал. Фокин подошел к соседнему «уазику», взял у водителя радиотелефон, потыкал железным пальцем в кнопки.

— Наташ, привет. Как дела?

— Нормально, Сережа, — промурлыкала трубка. —

По радио передавали, на Ломоносовском какой-то жуткий взрыв, десятки трупов. Это правда? Ты не оттуда случайно?..

— Я радио не слушаю,— сказал Фокин.— Сегодня у меня доклад руководству, а потом я Чуйкову одно дело обещал... Часам к восьми освобожусь.

— Вообще-то сегодня Валентинов день, мой милый!

— Это что такое?

— Спроси у своей секретарши. Нет, лучше не спрашивай. Я тебе сама расскажу.

— Ты только аккуратно. Помни про осторожность. Помни все, чему я тебя учил.

Наташа засмеялась.

— Конечно, я все помню. Рука в сумочке и так далее. До вечера.

— Пока.

Фокин вернул телефон и направился к передвижной лаборатории. Сименкин выскочил ему навстречу.

— Титан, товарищ майор. Особо чистый титан с необычными присадками. По-моему, такой используется только в космической промышленности.

— Чего ты такой дерганый? — подозрительно спросил Фокин и, наклонившись, учуял свежий водочный дух.

— Хочешь, чтоб я тебе матку вывернул?

— Ваша воля,— потупился эксперт.— Я все сделал на совесть, как мог. Только расслабиться надо — иначе этого не вынести. Сто пятьдесят всего...

Майор посмотрел на него, словно бетонной плитой придавил.

— Смотри никому на глаза не попадись! И тем скажи, кто остальные триста пятьдесят оприходовал. А то я вас по стенкам размажу!

Краса и гордость столичных моргов — черные пластиковые пакеты, совсем как в голливудских боевиках, с той только разницей, что здесь нельзя сделать эффектное «вж-ж-жик», поскольку замки-«молнии» отсутствуют, вместо них — обычные завязки. Санитары упаковывали труп, обозначенный цифрой «4», двое приподнимали те-

ло, двое подсовывали шуршащий саван. Веки мертвеца ссохлись от тысячеградусного жара, наружу смотрели белые, как у вареной рыбы, глаза. Под неосторожными пальцами санитаров проступала наружу сукровица. Один из санитаров громко сглотнул.

Фокин не сомневался, что и эти тоже, закончив свою работу, уединятся где-нибудь в больничном коридоре и разопьют по триста на брата... И выкурят, конечно, по полпачки.

И он бы взрезал, да нельзя — надо раскручивать следствие и к трем часам дать Ершинскому какой-то результат. Разве что вечером, после работы...

Фокин прикусил фильтр сигареты.

— ...Пожалуйста, товарищ майор.

Перед ним вырос человек в кожаном кепи и длиннополом кожаном пальто — тот самый, что недавно стоял у «Рэйндровера»; в его ладони бился уверенный огонек зипповской зажигалки.

— Не курю,— сказал Фокин, отворачиваясь. Но человек снова появился в поле зрения. Высокий, широкоплечий, с грубым и решительным лицом, которое в данный момент выражало предельную вежливость и почтительное внимание.

— Я референт господина Атаманова, он спрашивал, не нужна ли вам какая-нибудь помощь.

— Нужна.— Майор на миг задумался.— Пусть даст чистосердечное признание. Явка с повинной — это смягчающее обстоятельство.

В лицо референта будто мочой плеснули — резко сжались губы, в прищуренных глазах мелькнула злоба. Но Фокину было на это наплевать. Удар правой у него составлял четыреста килограммов, в кармане лежала солидная «корка», под мышкой рукояткой вперед висел двенадцатизарядный «ПММ», из которого он за три секунды делал пять выстрелов. Да и вообще по жизни он был не из пугливых.